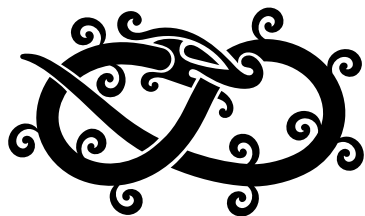

УНА ХАРТ

КОГДА ЗАПОЮТ МЕРТВЕЦЫ

*Жизнь и приключения
пастора и чернокнижника
Эйрика Магнуссона*

альпина

ПРОЗА

Москва, 2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1
Х22

Харт У.

Х22 Когда запоют мертвецы. Жизнь и приключения пастора и черно-книжника Эйрика Магнуссона / Уна Харт. — М. : Альпина нон-фикшн, 2025. — 512 с.

ISBN 978-5-00223-521-6

Исландия, XVII век. История начинается на юге страны, в семинарии, где мальчики из хороших семей изучают языки, риторику, богословие и втайне от всех учатся колдовству — гальдру. Трое друзей узнают, что на церковном кладбище похоронен старик, обладавший легендарным гримуаром — «Серой кожей». Юноши амбициозны и горят желанием попробовать свои силы. Прокравшись ночью на кладбище, они ненароком поднимают не одного мертвеца, а целое полчище...

Великолепная атмосферная история от мастера магического реализма, основанная на фольклорных текстах о преподобном Эйрике Магнуссоне — священнике и чернокнижнике.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00223-521-6

© Уна Харт, 2025
© Художественное оформление, макет.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2025

ПРОЛОГ

Мое имя — Эйрик Магнуссон. Я старший сын законника Магнуса Эйрикссона и его жены Гудрун Йоунсдоттир. Моего прадеда Йоуна Арасона, последнего католического епископа Исландии, казнили вместе с двумя его сыновьями. Палач опускал топор на его шею семь раз — на камнях Скаульхольта до сих пор чернеет кровь моих предков.

Я был вторым ребенком у моей матери и первым, кто остался при ней. Мою старшую сестру Агнес похитили турецкие пираты за десять лет до моего рождения. До самой своей смерти мать ждала, что к берегу причалит корабль, который вернет ей Агнес. Когда на свет появился я, матушка верила, что теперь нашей семье улыбнется удача, потому что в тот же год в родные земли вернулась выкупленная из рабства Гудда-Турчанка — спустя десять лет заточения.

Матушка со мной не нежничала. Когда я был маленьким, в часы вечерних бдений* у очага, вычесывая шерсть, она рассказывала мне страшные сказки. С младых ногтей я впитывал истории о детях, которых утаскивали под землю голодные драуги, об утонувших, проклятых, разбившихся насмерть или разорванных троллями малышах... Они всегда погибали или исчезали бесследно, как моя сестра. Мне же

* В исландском языке существует специальное слово для вечернего времени, когда полагалось рассказывать сказки или истории, — kvöldvaka. Во время kvöldvaka часто чесали овечью шерсть, поэтому и продолжительность kvöldvaka измерялась «овчинами». В начале осени, когда дни еще длинные, kvöldvaka длилась «одну овчину», по мере того как дни становились короче, количество овчин росло, в самые темные сезоны доходя до трех. — *Здесь и далее примечания автора.*

хотелось послушать историю, в которой ребенок бы вырос, отправился на поиски приключений и — в виде исключения — выжил. Но матушка верила, что так она ограждает меня от опасности: ведь если меня хорошенько напугать, я не стану совать нос куда не следует. Или же она готовила себя к тому, что однажды я тоже пропаду. Мать любила меня и боялась этой любви, которая сожрала бы ее до косточки, случись со мной что-то ужасное.

Когда родился мой младший брат, Паудль, родители вздохнули с облегчением. Паудль рос сообразительным и разумным, любил читать, аккуратно носил одежду и никогда не убегал к реке, где мог бы утонуть. Он хотел стать законником, как наш отец — человек тихий и суеверный. Все думали, что я унаследую от него тягу к текстам и чувство справедливости. Что ж, можно сказать, так оно и случилось, хотя совсем иначе, нежели все предполагали...

ГЛАВА I

1653 ГОД

СКАУЛЬХОЛЬТ

Магнус сильно мерз зимой, а потому спал посередине между Эйриком и Боуги. Вообще-то на школьной кровати полагалось лежать по двое, но друзья всегда устраивались втроем, как повелось с самого первого их года в Скаульхольте. Простой сосед Магнуса так пинался и сопел, словно делал это нарочно, лишь бы получить лежанку в свое полное владение.

Их кровать стояла в самом углу dormitorio, под окном, затянутым овечьей кожей. Свет сквозь него проникал только в полнолуние, а в остальное время спальню тускло освещали лампы и тлеющий в печи торф. В ясные же лунные ночи или тогда, когда небо Скаульхольта подсвечивалось северным сиянием, мальчишки могли видеть лица друг друга во сне: обкусанные губы, взлохмаченные, припорошенные пылью волосы и обветренные щеки.

Боуги, самый коренастый и плотный из всей троицы, обычно ложился у стены. Он любил шутить, что Магнусу, тощему и высокому, тоже не помешало бы поднакопить жирку, чтобы лучше согреться. А вот Эйрик всегда спал на краю. Хотя временами он и расплачивался за это

падением на земляной пол, все же никогда не соглашался поменяться местами с Магнусом и Боуги. Да и приземлялся Эйрик на четыре лапы, как кошка, а спал чутко, словно лесная мышь. А еще он не ощущал холода — до самых крепких заморозков ходил в одной рубашке, словно под кожей у него тлели угли.

В тот день на ужин давали сушеную треску и сильно разбавленное пиво. От скудной кормежки голод никуда не девался, оттого и сон не шел. Мальчишки привычно устроились на кровати и тихо переговаривались, тесно сдвинув лица. Вот только обсуждали они вовсе не сегодняшнюю проповедь. В такие вечера не привлекали их ни латынь, ни греческий, ни какие-либо другие знания, которыми так тщательно учителя набивали им головы. Совсем иные истории будоражили юные умы... Вот лишь несколько минут назад они отчетливо различили шаги по стылой земле прямо за дверью. Невидимый гость обошел их дом, ступая так грузно, что друзья затаили дыхание. Стоило шагам стихнуть, как они бросились спорить, кто мог бродить за стенами dormитория.

Боуги, который из всей троицы прочнее всех стоял на земле, заверял друзей, что никакого колдовства тут нет. Должно быть, кто-то из учителей решил проветриться после того, как за ужином налегал на пиво, или, может, служанка вышла вылить помои с кухни.

— Если служанка или учитель, чего же ты нос в одеяло спрятал? — прошипел Магнус.

Сам Магнус был уверен, что под окном прошел не кто иной, как Йоун Арасон, последний католический епископ, казненный сотню лет назад именно здесь, в Скаульхольте. Никто бы не удивился, если бы Йоун Арасон вернулся с того света. Наверняка он не может расстаться со своей церковью и теперь бродит вокруг и ждет, когда исландцы вновь обратятся в веру предков...

Но Боуги на это только посмеивался:

— С чего бы ему здесь бродить? Всем известно, что Йоуна Арасона выкопали и увезли на самый север, в Хоулар, и кости его теперь тлеют там. Крепкие же у него ноги, раз такой путь проделал! Эй, Эйрик, а ты что думаешь?

Эйрик молчал, вглядываясь в мутное окно. На узкой кровати места было мало, и он едва помещался на краю, но не замечал этого, глубоко погруженный в свои мысли. Боуги слегка подтолкнул его локтем:

— Что скажешь, дружище? Уж тебе-то виднее.

Действительно, случись опальному епископу вернуться из мира мертвых, к кому бы он пришел, если не к правнуку? Но вот в чем дело: Эйрик знал, что вовсе не Арасон бродит под окном. Совсем другой покойник занимал в эту ночь его разум.

Несколько дней назад у пастора, что вел хозяйство на усадьбе при церкви, Эйрик подслушал одну любопытнейшую историю и с тех пор потерял покой. Речь в ней шла о колдуне, которого погребли вместе с его гримуаром. История эта так потрясла парня, что несколько раз мертвец из рассказа пастора даже являлся к нему во сне и пытался прочесть свои римы, но выходили они дурные и сразу вылетали из головы, стоило Эйрику проснуться. Теперь стало ясно, что это не мертвец хочет ему что-то сказать — да и с чего бы, они даже не были знакомы! — а сам Эйрик тянется к тому ценному, что покойник унес с собой в могилу и с чем, по слухам, не расставался ни днем ни ночью. То, ради чего Эйрик охотно рискнул бы своей шкурой. Это желание жгло его кожу, будоражило по ночам, не давало сосредоточиться на занятиях... Он размышлял, стоит ли посвящать друзей в свою затею, и наконец решил, что умолчать будет нечестно.

Перевернувшись на правый бок и подперев голову рукой, он уставился на Магнуса и Боуги. Вид он при этом принял довольный и загадочный.

— Много лет назад на местном кладбище похоронили одного старика из Бискупстунги...

Лица Магнуса и Боуги поскуцнели. Кому интересно слушать про какого-то старика, когда тут целый католический епископ, да к тому же обезглавленный? Но Эйрика это не смутило.

— Слухи о старике ходили самые разные. Жил он один, не имел ни жены, ни детей. Говорят, за всю жизнь было у него только две ценности: корова... и книга.

Перед «и книга» Эйрик сделал такую таинственную паузу, какую только сумел. Кажется, это сработало, потому что Боуги и Магнус перестали закатывать глаза и стали слушать внимательнее.

— Когда старик заболел, он пожелал быть похороненным в церковном дворе Скаульхольта. Взамен пообещал местному священнику землю и хутор, но поставил еще одно условие: что в могилу он унесет с собой книгу. Ну и корову.

Мальчишки прыснули в одеяло, зажав себе рты ладонями, чтобы не разбудить других школяров. Эйрик со снисходительной улыбкой дождался, пока веселье стихнет. Сам он тоже от души посмеялся, когда слушал историю впервые, но сейчас всем видом показывал, что главное в ней все-таки не корова.

— Большой, должно быть, гроб пришлось сколотить, — заметил Боуги.

— Думаю, корову положили рядом, — возразил Магнус. — Так что там за книга?

Эйрик еще раз улыбнулся, на этот раз хищно и резко.

— А ты как думаешь? — ответил он и сам вдруг испугался своего голоса — низкого, незнакомого, голодного.

Друзья лежали, умолкнув, обдумывая каждый свое. Какую мальчишке в пятнадцать лет не хочется обрести настоящую силу? Ту самую, которую не получить и с сотней молитв, которая не придет ни с греческим, ни с латынью... Хотя все они готовились однажды принять сан и стать пасторами, бывали в их жизни искушения, с которыми сложно

было бороться. С тех пор, как их языки однажды обожгли волшебные слова, избегать греха становилось все труднее.

Первым не выдержал Магнус:

— Что ты предлагаешь?

Оба догадывались, чего хотел Эйрик, но сама мысль об этом наводила трепет.

Он прикрыл глаза и тихо, но отчетливо произнес:

— Хочу поднять его из могилы и забрать книгу.

Сквозняк ворвался в dormitorio сквозь щель в окне. Магнус натужно закашлялся, и Боуги заботливо подоткнул ему одеяло. Эйрик отстраненно подумал, что надо бы завтра попросить служанок принести Магнусу отвар из можжевельника, чтобы смягчить кашель.

— Чтобы кого-то поднять, нужно знать все заклинания, — заметил Боуги. — Я их, скажем, не знаю.

— Я вас научу, — решительно заявил Эйрик.

Вряд ли это их успокоило. Ошибка в единственном звуке могла стоить всем троим жизни, а ошибиться, стоя у могилы с поднявшимся покойником, ох как легко. Так стоит ли рисковать ради книги неизвестного старика?

Неожиданно на Эйрика обрушилась сонливость, да такая, словно он не спал несколько дней. Веки набрякли, голова стала склоняться к подушке. Казалось, поведав Боуги и Магнусу о своей затее, он снял с плеч невидимый груз. Они могли отказаться, могли даже пожаловаться учителям, что Эйрик замыслил большой грех. (Впрочем, нет, не могли. Эйрик хорошо знал своих друзей: даже если они струсят, мешать ему не будут.) Он улегся на подушку и натянул шерстяное одеяло до самых ушей, прислушиваясь к возне соседей.

— А кто научил тебя самого? — тихо и с легким укором спросил Магнус.

Эйрик сделал вид, что спит. Его учителя не желали быть названными.

Скаульхольт представлял собой целый мир — суетливый, разноголосый и вечно куда-то спешащий. Город был огромен: тут жили сотни людей, и после него собственные хутора казались юношам крохотными и невзрачными. А в Скаульхольте домики из дерна ютились друг к другу. Одни были совсем небольшими, с единственной общей комнатой — бадстовой, а другие, покрепче и побогаче, могли похвастаться отдельной кухней и двором, обнесенным каменной оградой. Летом крыши землянок покрывались сочной зеленью и весь город выглядел нарядно и празднично. Епископ следил, чтобы дома чинили вовремя, и потому от города так и веяло благополучием и спокойствием. Над приземистыми строениями возвышалась бревенчатая церковь с колокольней — детище епископа Бриньюльва Свейнссона, которым он гордился не меньше, чем своей коллекцией текстов «Старшей Эдды».

Знатные исландские семьи отправляли своих отпрысков на обучение в семинарию, когда тем исполнялось пятнадцать-шестнадцать зим. Там мальчики становились юношами, осваивая латынь, греческий, историю и богословие. Спустя пять лет, подросшие и возмужавшие, они возвращались в родные места. Большинство занимали должности младших пасторов, но некоторые шли по стопам отцов и становились чиновниками.

Эйрик, Боуги и Магнус начали учебу одновременно в прошлом году. Из троих Эйрик был самым младшим, ему еще и шестнадцати не было. Скаульхольт быстро стал им домом. Мальчишки любили школу, но отнюдь не за те ценные знания, что учителя вколачивали им в головы на уроках. Важнее всего друг для друга были они сами. Первая настоящая дружба — как первая любовь: если и не остается с тобой на всю жизнь, то все равно никогда не забывается.

Семинария занимала множество помещений, связанных друг с другом крытыми тоннелями. Ученики и священники могли переходить из одного в другое, не выходя на улицу. Учебные классы начинались прямо за дверью dormitorio, а чтобы попасть в трапезную, требовалось пройти по длинному коридору мимо зала, где завтракала и ужинала семья епископа и располагались кладовки с молоком, сыром и кислой сывороткой. Кормили школяров дважды в день, как дома: в полдень и после вечерней службы. Иногда по воскресеньям давали баранину, но чаще потчевали скиром, кашей, сушеной рыбой и сырными лепешками.

Именно в трапезной на следующий день после ночного разговора Эйрик начал учить друзей заговору — гальду. Пасторы ели в другом помещении, так что никто не мог их подслушать или помешать. Откинувшись на стуле и прикрыв глаза, юноша протяжно и медленно читал нужные слова. Он знал заклиния так хорошо, что, если бы его прервали, без труда смог бы начать с нужного места, сколько бы времени ни прошло.

На кладбище решено было отправляться в субботу, когда луна будет в последней четверти. Ночь все еще не заглотит абсолютная тьма, но различить три крадущиеся фигуры слабым глазам пасторов будет непросто. Эйрик настаивал, что лучше повременить с обрядом, пока Боуги и Магнус не выучат слова назубок, как катехизис перед конфирмацией. Он говорил об этом с такой не свойственной ему серьезностью, что друзьям оставалось только согласиться. Никому не хотелось, чтобы их разорвали оживший покойник или его корова. Так, в школьной трапезной, и началось их обучение. Проходило оно между занятиями, в укромных местах, скрытых от глаз учителей и других школяров. Даже во время богослужений не гимны и не исповедь занимали головы сообщников. Эйрик настаивал, что ведовские слова должны влезть им под кожу, пропитать волосы до самых корней, искусать их языки — так, чтобы ни одного звука

не потерялось даже в минуты самого сильного страха. Трое друзей повторяли их снова и снова: и раздеваясь, и лежа на узкой кровати, слишком тесной для них, и засыпая, и просыпаясь.

Магнусу ученичество давалось проще. Руны и гальдраставы он резал аккуратнее, не упуская ни единой черточки. Память у него работала лучше, а ум был более склонен к ведовству, нежели у медлительного и основательного Боуги. Тот запоминал гальды с трудом, зато они никогда не вылетали у него из головы. Он чем-то напоминал дерево с упрямой жесткой корой: вырезать на ней что-то непросто, зато надпись не сойдет и через столетие.

Эйрик был терпеливым учителем: поправлял, напоминал, мягко возвращал друзей к их задумке, стоило им отвлечься. Условие он поставил лишь одно: Боуги и Магнус должны отдаваться обучению без остатка, как некогда он сам. Поднять покойника — не шутки. Это не приворот и не наведение морока. Если что-то пойдет не так, всем конец.

К субботе похолодало. Ночью Магнус трясся и стучал зубами. Чтобы другу было теплее, Эйрик с Боуги укрыли его вторым шерстяным одеялом и перетащили жаровню поближе к кровати. Засыпая, Магнус продолжал бормотать ведовские слова, и во сне они снова и снова воскресали у него на губах.

В октябре светает поздно. По утрам служанки приходили будить юношей, подсвечивая себе дорогу фитилями, смазанными ворванью. Эти маленькие, дрожащие на сквозняках огоньки подсказывали семинаристам, что пора собираться на утреннюю молитву. Сами служанки вставали еще раньше, так что вид сонных лохматых парней, из последних сил цепляющихся за свои одеяла, приводил их в веселое расположение духа. Одна из девушек, смущаясь, протянула Магнусу вязаные варежки. Последние дни его душил кашель, и Эйрика это настораживало. Он беспокоился не столько о здоровье

друга — на Магнуса каждую зиму нападала такая хворь, — сколько о том, сумеет ли тот не сбиться на заговоре.

Магнус принял подарок с благодарностью. Под штаны он надел теплые чулки, а на голову натянул шапку. Эйрик же красовался в плаще с металлическими пуговицами и кожаных перчатках, над чем Боуги посмеивался. Все знали, что господин епископ Бриньоульв Свейнссон такой роскоши не одобряет и выговора за щегольство не избежать. Но Эйрик учился прилежно, языки и арифметику схватывал на лету и голос у него, когда он пел гимны, звучал как у ангела, а потому ему многое сходило с рук.

Целый день молодые люди места себе не находили, их мучило предчувствие — сладкое и одновременно пугающее. А когда с наступлением сумерек колокол позвал их к началу вечера, волнение стало невыносимым.

В сумерках церковь вырастала на холме величественной громадой, возвышаясь над остальными постройками Скаульхольта как тролль над людьми. Всякий раз, как Эйрик приближался к ней, он испытывал необъяснимый трепет, почти страх от того, насколько она огромна. Бриньоульв Свейнссон пестовал церковь, как родное дитя. Еще в первый свой год на посту епископа он взялся за снос старого обветшавшего здания и строительство нового. Строительство закончилось лишь четыре года назад. Внутри церкви все еще сильно пахло елью — нигде еще Эйрик не встречал таких хороших бревен, как здесь. В Исландии почти не росло лесов: на растопку пускали мох или сушеные водоросли, и большой удачей считалось найти на берегу выброшенные на берег коряги. Древесину же для строительства доставляли морем, и стоила она целое состояние. Боуги — сын бонда, унаследовавший предприимчивость отца, — как-то пытался подсчитать, во сколько епископу обошлась постройка, и цифры вышли невероятно большие.

Толстые бревна надежно защищали прихожан от холода и ветра. Будь сейчас дневное богослужение, Эйрик

рассматривал бы игру солнца в оконных витражах, любуясь редкими цветными пятнами в серой жизни. Вечером же оставалось лишь прикрыть глаза и петь.

От статной фигуры епископа веяло основательностью, она выделялась среди хрупких министрантов, преклонивших колени перед алтарной оградой. Бриньоульв Свейнссон был не столько тучным, сколько, что называется, мощным. У него были крупные руки и ноги, рыжая, не желающая сидеть борода и кустистые подвижные брови. Он много смеялся, и смех его рождался где-то в животе, клокотал и пенился как крепкое пиво. Если же епископ был в мрачном расположении духа, от него словно во все стороны расползались тучи.

Перед проповедью Бриньоульв Свейнссон долго молчал, что было для него необычно. Он любил начинать сразу, едва стихнет последняя нота «Кирие». Когда же он наконец заговорил, Боуги бросил на Эйрика встревоженный взгляд.

Речь зашла о колдовстве. Проповеди епископа обычно отличались живостью и силой. Его глубокий зычный голос, как хищная птица, летал над головами прихожан, готовый выклевывать всякий грех. Теперь же было видно, что епископа что-то тревожит. Как выяснилось, он хотел поделиться вестью из деревни Киркьюбол, находившейся далеко на севере. Тамошний пастор полгода назад своими глазами узрел дьявола на хуторе одной благочестивой — как всем до того казалось — семьи. Вскоре родственники пастора стали страдать от злых чар. Сам он спасался молитвой, хоть и его настигла хворь. Виновных — отца и сына, в чьем доме были обнаружены ведовские книги, посохи, да еще «пердящие руны» (Боуги не удержался и тихо фыркнул в кулак, выдав смех за кашель), — приговорили к сожжению на костре.

«К сожжению...» Эти слова Бриньоульв Свейнссон повторил несколько раз, словно хотел, чтобы искры пламени задели каждого из прихожан. «Дьявол принимает разные обличья, — веско произнес епископ, переводя взгляд

с одного лица на другое. — Искушение может быть велико, особенно для тех, кто верит в собственную неуязвимость». Его взгляд задержался на Эйрике, который слушал с видом внимательным и серьезным, чинно сложив на коленях руки в перчатках.

Когда пришло время исповедаться, Боуги сидел, опустив глаза, словно боялся чем-то себя выдать. Он всегда тревожился перед исповедью, даже когда из всех грехов мог назвать лишь нечистые мысли да отсутствие прилежания в учебе. Впрочем, в перечисления он особо не вдавался, предпочитая выбрать какой-нибудь один, не самый тяжкий грех и живописать его во всех подробностях. А вот Магнус обычно исповедовался сухо и коротко, так что могло показаться, будто он перечисляет свои грехи без тени раскаяния. Даже Эйрик, ближайший его друг, не мог сказать, что происходит у него в голове в эти минуты.

Из всех троих сам Эйрик больше всех любил каяться и всегда втайне предвкушал этот момент. *«Я, бедный грешник, признаю себя виновным перед Богом во всех грехах. Я жил так, как будто Бог не имеет значения и как будто я важнее всего»...* Он и правда так жил. Иногда вовсе не ощущал Бога рядом с собой — а временами чувствовал Его так явственно, словно Спаситель сам стоял за его плечом и направлял его руку.

Когда пришла очередь Эйрика преклонить колени перед епископом, Магнус коротко сжал пальцы друга и улыбнулся ему. От риз Бриньоульва Свейнссона пахло пылью и табаком, а рука, опустившаяся на голову юноши, оказалась неожиданно тяжелой, как каменная плита. Эйрик прижался щекой к жестким коленям. Он был тщеславен и заносчив — и епископ знал это. Он был легкомысленным и падким на лесть — епископ знал и это. Всякий раз на исповеди Эйрик чувствовал, как с каждым словом его тело становится все легче и легче.

Он рассказывал ровно то, чем хотел поделиться и что действительно тяготило его душу. Конечно, о той самой

затее он умолчал. При этом Эйрик вовсе не считал, что лжет. Просто к чему говорить о том, чего еще не сделал?

Закончив исповедь, он выдохнул с невероятным облегчением и взглянул в глаза епископу. Бриньоульв Свейнссон хмурился и жевал губы. Не похоже было, чтобы он злился, но что-то явно его тяготило.

— Это все твои грехи, дитя мое? — прогудел епископ, и рука его зависла над головой Эйрика, словно не решаясь опуститься вновь. Эйрик моргнул. Может, он и впрямь что-то упустил? Он поведал Бриньоульву Свейнссону о своей гневливости, зависти, лени и гордыне... О чем еще он мог рассказать?

— Это все, что я сумел вспомнить, господин епископ, — горячо заверил его Эйрик.

Бриньоульв Свейнссон смотрел на него долгим сумрачным взглядом, как будто рассчитывал, что Эйрик передумает, но тот глядел снизу вверх ясно и твердо. Епископ хорошо знал каждого из своих школяров — пожалуй, лучше, чем их собственные учителя. Эйрик не врал — по крайней мере, в понимании самого Эйрика, — и давить на него было бесполезно. Бриньоульв Свейнссон отпустил мальчишке грехи. Что, в конце концов, ему оставалось?

...Сразу после вечерни Эйрик догнал друзей у трапезной и бросил им одно лишь слово. То, от которого перехватывало дыхание и сердце начинало колотиться чаще.

Сегодня.

* * *

Прежде чем устроиться под одеялом, Магнус подновил чернилами свои ставы: малый круг защиты и тот, что понадобится для вызова призраков. Работал он быстро и ловко даже при слабом свете очага. Эйрик каждый раз восхищался тем, какие тонкие и аккуратные у Магнуса получаются

линии. Защиту тот начертал пером прямо у себя на внешней стороне ладони, а второй став изобразил на клочке кожи, который спрятал под пятку в башмак. Затем выпил принесенный Боуги можжевелевый отвар, чтобы в решающую минуту кашель не сбил его с нужных слов.

— Мы правда хотим это сделать? — шепнул Боуги на ухо Эйрику, когда тот расстегивал пуговицы кофты и аккуратно складывал ее рядом с кроватью на стул. Боуги старался выглядеть собранным и не выдать своего волнения. Он не был трусом, но отличался большой осторожностью, когда дело касалось колдовства. Иногда у Эйрика появлялось неприятное предчувствие, что однажды Боуги станет одним из тех пасторов, которые, на радость датчанам, обыскивают дома собственных прихожан в поисках колдовских посохов и гримуаров...

Он встряхнул головой. Дурно подозревать друга в подобных вещах!

Словно для того, чтобы загладить вину, Эйрик положил руку Боуги на круглое плотное плечо и слегка сжал:

— Ты всегда можешь остаться тут, если хочешь. И ты, Магнус, тоже, слышишь?

— Я не хочу, — смутился Боуги. — Но и подвести вас, парни, боюсь. Я же вижу, что я в этом не так ловок.

— Ловкость тут ни при чем, — возразил Магнус, отводя руку в сторону, чтобы лучше рассмотреть рисунок. — Каждый может ошибиться, и нам следует быть к этому готовыми. Я могу закашляться, ты — растеряться, а Эйрик...

Взгляд его глаз, необычно темных для такого светлогоже юноши, остановился на лице друга, как будто Магнус не мог решить, заканчивать ли ему фразу или позволить ей повиснуть в воздухе.

— А Эйрика ничто не остановит, даже если из-под земли выпрыгнет сам дьявол, — ворчливо закончил Боуги.

Ночью Магнус так и не сомкнул глаз. Эйрик видел, как он, повернув голову, рассматривает тлеющий торф в очаге.

Лицо у него при этом было задумчивым и спокойным. Тихину разбавляли лишь слабое покашливание и возня. Как только луна выглянула из-за плотных туч, все трое бесшумно вынырнули из-под одеял, натянули штаны и, накинув поверх рубах теплые плащи, скользнули за дверь.

Мальчишки старались действовать быстро и без суеты. В предыдущие ночи они уже тренировались прокрадываться из dormitorio так, чтобы не потревожить ни других школяров, ни учителей, чьи комнаты соседствовали с их собственными. Боуги захватил глиняную лампу с китовым жиром, привезенную его отцом из Дании. Парни взяли из печи уголек и от него подожгли фитиль.

Дорога до захоронения предстояла непростая — нужно было в полной темноте подняться на холм с церковью. Большую часть пути можно было проделать по вымощенным камнем коридорам усадебного хозяйства. Пришлось только красться на цыпочках мимо комнаты учителей, которые засиделись допоздна, нюхая табак и читая друг другу вслух. Узкий проход вел оттуда в сторону помещения для мужской прислуги, из приоткрытых дверей которого тянуло теплом. Топили там навозом, а не торфом, так что Боуги брезгливо зажал нос и ускорил шаг. Из-за холода и страха быть пойманными приходилось спешить, а невозможность обмениваться шутками и тычками нагнетала тревожность.

Лунный свет заливал небольшую площадку перед усадьбой, а церковь на холме будто плыла над землей, как пиратский корабль по темной воде. В таком освещении она показалась Эйрику пугающей — чудовищем, готовым наброситься в любой миг, словно белый медведь, чью льдину случайно прибило к берегу. Боуги подергал его за рукав и кивнул в сторону дома епископа, где за застекленными окнами все еще мелькали теплый свет и тени.

Мерзлая земля хрустела под ногами, а шквальный ветер у подножия холма сбивал с ног. Помогая друг другу, молодые люди наконец достигли своей цели. Перед ними скалилось

церковное кладбище. Одному богу было известно, сколько поколений исландцев лежали в этой холодной недружественной земле, что уравнивала всех: и бондов, и пасторов, и батраков. Несколько сотен щербатых камней с неровными краями смотрели на школяров, как мертвое войско в ожидании приказа. Боуги решительно двинулся вперед через кладбищенские ворота, поводя плечами, словно разминался перед борьбой.

Никто из них не знал, где лежит старик из Бискупстунги. Шататься днем среди могил было рискованно: слишком много внимания можно привлечь. Оставалось искать нужное захоронение в темноте. Сейчас, в окружении могил, Эйрику остро захотелось повернуть назад — залезть под одеяло, спрятаться в спасительной теплой темноте спальни и дожидаться, пока служанки придут будить к утренней молитве.

День за днем они готовились к тому, что произойдет: учили слова, решали, кто что станет делать, когда драуг нападет, и к какому часу нужно вернуться в спальню, если ничего не выйдет. Но одно дело готовиться, и совсем другое — стоять здесь на холоде в одних только плащах, накинутых поверх рубах, со слабым утешением в виде глиняной лампы с китовым жиром.

Пока что кладбище казалось скорее скучным, чем опасным, а сама затея выглядела сущей глупостью. Может, от этого парни и мялись. Магнус с Эйриком бросали друг на друга вопросительные взгляды, ожидая, кто начнет первым. Боуги решительно прочистил горло и пошел между памятниками, стараясь не споткнуться.

Он обогнул несколько свежих могил и указал пальцем в сторону холма:

— Чем ближе к церкви, тем старше захоронения. На краю нам делать нечего, здешние могилы вырыты недавно. Плохо, что мы совсем не знаем, когда этот твой старик умер.

Эйрик промолчал. Он действительно не знал о мертвом колдуне ничего, кроме того, что уже рассказал друзьям, и ему было совестно. Боуги остановился у одного из камней и, отчистив рукавом надпись, попытался ее прочесть, склоняя голову то так, то эдак. Не сумев разобрать букв, парень поднес лампу ближе. Прыгающий огонек фитиля помог слабо, промозглый ночной воздух принес мокрую крошку, а туча затянула лунный бок.

— Нужно попробовать хоть с кем-нибудь! — предложил Магнус, чью хрупкую фигуру качало от ветра. — Может, если не найдем с первого раза, спросим, где лежит этот дед!

Предложение было разумным. Начать ведь всегда труднее всего. Эйрик обошел несколько могил, пытаясь разобрать надписи и годы жизни. Он выбрал одну наугад, хотя пытался притвориться, что сделал это с каким-то умыслом.

Стоя у каменной плиты, Эйрик как никогда ощущал, насколько туманные и скомканные у него представления о том, что делать дальше. Боуги похлопал друга по спине широкой теплой ладонью. Его пальцы остановились на воротнике Эйрика и в одно мгновение сначала сдернули с него плащ, а затем вытряхнули из шерстяной кофты, оставив в одной только рубашке.

— Не получится — вернемся в спальню, и дело с концом, — сурово заметил он, передавая одежду Эйрика Магнусу, чтобы тот мог набросить ее сверху. — Хватит тут торчать. Начинай.

Эйрику стало холодно. Это было непривычное и неприятное чувство: он не замерзал почти никогда. Перед тем, как идти на кладбище, Боуги спрашивал, почему обязательно нужно поднимать мертвецов. Не проще ли взять заступ и раскопать нужную могилу? Первоначально они отказались от этой идеи, потому что какой же пятнадцатилетний юноша захочет работать заступом, если можно одним заклинанием воскресить покойника. Но теперь стало понятно,

что, согласись они с этой идеей, пришлось бы перекопать целое кладбище, чтобы найти нужного мертвеца.

Стараясь казаться уверенным, Эйрик подошел к могиле и успел сделать глубокий вдох, прежде чем его прервал резкий окрик Магнуса:

— Не надо!

Эйрик раздраженно обернулся. Он только настроился!

Но Магнус, стуча зубами, кутаясь в два плаща, упрямо помотал головой и ткнул дрожащим пальцем в камень:

— Тут лежит семья, не стоит их тревожить. Мать и двое дочерей. Попробуй соседнюю.

Эйрик бросил еще один взгляд на могилу, сияясь прочесть надгробную надпись, но без толку. Магнус не мог видеть в темноте лучше, чем Боуги или он сам, а значит, ему удалось почувствовать, кто закопан в этом месте. Если, конечно, парню не примерещилось — но как сейчас узнать? Они договорились доверять друг другу, и Эйрик покорно подошел к соседней могиле.

Гальд летел с его губ, теряясь в ветре, почти неслышный из-за завываний. Сотню раз Эйрик читал его, сидя на берегу озера, и тогда слова чудились ему внушительными, питанными той удивительной силой, которую не понять простому человеку. Сейчас же голос его звучал слабо и жалко, а сам заговор был короток и пуст. Эйрик быстро закончил, облизнул обветренные губы и перевел взгляд на своих друзей, которые терпеливо стояли рядом и смотрели на землю.

Первым очнулся Боуги:

— Сколько времени должно пройти, прежде чем мертвец нас услышит?

Эйрик пожал плечами.

— Кто знает, как идет время в царстве божьем, — задумчиво откликнулся Магнус, ковыряя сухую траву носком ботинка.

— Давайте попробуем еще пару могил, — предложил Боуги. — Кто-нибудь да отзовется. У нас на хуторе к одной

вдове почти год ходил драуг, все требовал, чтобы она нали-вала ему аквавит, ну и там всякое... Говорят, чуть ребенка ей не сделал. Хорошо, пастор его урезонил.

Боуги достал из кармана мешочек с табаком и с наслаждением втянул понюшку, от души чихнув. Ветер стих, как напуганная овца при виде пастуха.

Так они прошли с десятков могил, избегая тех, где значились женские имена, и тех, которые запрещал трогать Магнус. Он стал заметно прихрамывать на ту ногу, в ботинок которой спрятал став, а на вопрос Эйрика ответил, что кусочек кожи и вправду жжет как уголек и жар этот распространяется от пятки до самого колена. «Зато согреешься», — жизнерадостно хмыкнул Боуги.

Едва они перестали суетиться и начали двигаться последовательно от одного захоронения к другому, неудачи стали переноситься легче. Ночь перевалила за половину, и никто из юношей уже не рассчитывал на успех. Это их не особенно расстраивало. Хотя, будь Эйрик один, он непременно вышел бы из себя. К чему вся эта наука, раз он не сумел сдвинуть ни единой мертвой косточки с места!

Каждый из парней успел прочитать свой гальд по несколько раз. Магнус выговаривал нужные слова нараспев, прикрыв глаза и покачиваясь. Губы его дрожали, но он ни разу не сбился. Боуги, перед тем как декламировать заклинание, широко расставлял ноги, словно ожидал, что колдовство собьет его на землю, будто качка на корабле, и выкрикивал слова задиристо и громко. Но сейчас и он устал и сидел у могилы, степенно жуя табак. Магнус же пританцовывал на левой ноге, а затем снял ботинок и достал из него смятый промокший пергамент со ставом. Проверил, не прожжен ли чулок. От предложения потрогать кожу («Она еще горячая, вот, шупайте!») друзья вежливо отказались.

Наконец Эйрик сделал несколько понюшек, соблазнившись табаком Боуги, вернул себе кофту и плащ, и парни двинулись в обратный путь. Ветер на сей раз не завывал,

но слабо шуршал в низкой траве, как мыши, спасающиеся от вулканической лавы. Свободные от своей таинственной ноши, юноши двигались веселыми перебежками, перепрыгивая через низкие камни и отплясывая на дорожках между могилами, чтобы согреться. Со стороны могло показаться, что в глубине души все были даже рады, что их затея провалилась.

— Стойте-ка...

Магнус обронул это так тихо, что Эйрик с Боуги успели пройти вперед на несколько шагов, прежде чем обнаружили, что их друга нет рядом. Магнус застыл недалеко от их самой первой могилы. Он шурился, глядя куда-то в сторону, а затем нерешительно двинулся к захоронению.

Эйрик и сам ощутил нечто странное. Уже некоторое время его тревожил шуршащий звук, источник которого в темноте он не мог обнаружить. Спина Магнуса маячила перед его глазами. Подобно флагу, белел воротник нижней рубашки, торчащий из-под плаща.

Когда Магнус остановился, Эйрик и Боуги едва не врезались в него. Они вернулись к тому месту, где Эйрик прочел свой первый гальд. Только теперь могила была уже не пуста. Земля, поросшая сухой травой, разорвалась как старое одеяло и вскопалась у изголовья. В могиле сидел до пояса зарытый в почву покойник. Перепутать было невозможно: несчастный был мертв достаточно давно, чтобы все мясо слезло с костей, обнажая серый череп с остатками волос. Руки скелета чинно покоились у него на коленях поверх травы. Покойник не проявил никакого интереса к подошедшим парням. Казалось, его вытянули из земли на веревках — только колыхались на ветру редкие лохмотья. Первым подал голос Боуги:

— А где его гроб?

Эйрик деловито обошел мертвеца сзади, хмыкая и потирая подбородок. Он старался держаться так, словно каждый день наблюдал восставших покойников, но и сам понимал,

что выглядит это как бравада. Всем троим было страшно. Не так страшно, конечно, как если бы скелет выскочил на них из-под земли, но достаточно, чтобы держаться подалеже от нового знакомого.

— Похоже, он пробил его лбом, — заметил Боуги, хмурясь и указывая на щепки, застрявшие в комьях земли. Ему было жалко покоренную древесину, пускай даже старую и истлевшую.

Несколько раз обойдя восставшего покойника, троица убедилась, что скелет им не отвечает и вылезать окончательно не намерен. Возможно, так бы и обошлось одним-единственным высунувшимся покойником, но не тут-то было. Кладбище ожило и зашевелилось, земля пришла в движение, разбуженная и возмущенная. Юноши заметили еще несколько «сдвоенных» памятников: сидящие рядом со своими плитами покойники со стороны выглядели как вторые надгробия, в темноте неотличимые от каменных. Сердца Магнуса, Боуги и Эйрика трепыхались где-то в кишках, как выброшенные на лед рыбы, а кожа напугалась страхом. Каждый из них подумал, что, будь он здесь один, давно бы дал деру и несея до усадьбы так, что только пятки бы сверкали.

Рядом с ногой Эйрика земля пошла длинным разрезом, как живот овцы, по которому провели ножом. Только вместо внутренностей сухая трава обнажила черную промерзлую землю. Парни заворуженно глядели, как щель медленно расширяется, как внутрь проваливаются крупные комья земли и сыпаются мелкие камушки. Земля шуршала — этот звук они слышали на пути к кладбищенской ограде, только принимали его за ветер. В глубине показалась грязная крышка гроба. Две сколоченные доски раздвинулись в стороны, и парни невольно склонились над могилой, чтобы разглядеть содержимое ящика. Боуги вытянул руку с зажженной лампой, чей фитиль уже почти прогорел, и теплый свет вытянул из темноты очертания тела.

Этот труп еще не сделался скелетом и не лишился мяса на лице. В нос парням ударил запах гниения. Магнус прикрыл нос своим ставом: пробыв у него под пяткой целый вечер, тот мог посоревноваться с ароматом из могилы. Стоило ему поднять став выше, как покойник неожиданно сел — так резко, что троица отскочила на пару шагов, выставив вперед руки. Отдышавшись, друзья переглянулись. Мертвец остался сидеть у раздвинутой крышки гроба, как старый бонд, ожидающий, что ему нальют аквавит.

— Что мы теперь будем делать? — спросил Боуги, кидая взгляд на Эйрика.

Эйрик резко выдохнул и плотнее запахнул плащ, еще раз оглядевшись. Он насчитал не меньше десятка сидящих тел разной степени разложения. Ветер разносил тревожный запах смерти и старых костей.

— Не похоже, чтобы они были опасны. Нужно найти старика, а эти сами лягут, как рассветет.

«По крайней мере, я на это надеюсь», — подумал он, но вслух не произнес. Эйрика предупреждали, что потревоженные мертвецы могут преследовать его, пока им самим не надоест (а запасы терпения и злости у них безграничны), но теперь уже ничего не поделаешь — лучше подумать об этом позже.

Осторожно ступая, стараясь изо всех сил не дать кладбищу разбушеваться еще сильнее, все трое стали продвигаться к последней могиле. Временами Эйрик уточнял у мертвецов их имена и не знают ли они, где лежит старик из Бискупстунги, но трупы только мотали головами, глядя на друзей опустевшими холодными глазницами. Почти у самой церкви парням неожиданно улыбнулась удача. Один из скелетов вдруг выпростал костлявую руку и, покачнувшись в своей земляной постели, указал пальцем куда-то в сторону.

Все трое повернулись туда и застыли, не поверив своим глазам. Зрелище было страшное и забавное одновременно.

На одной из могил стояла высокая костлявая фигура. Ветер трепал серое тряпье, а скелет выглядел таким старым, что удивительно было, как кости еще не рассыпались в труху. Абсолютно гладкий череп выбеливала луна, исчезая в черных ямках глазниц. Но удивительно было даже не то, что мертвец, в отличие от своих соседей, стоял прямехонько как столб, а то, что за его спиной высился еще один скелет. Мертвая корова была привязана истлевшей веревкой, конец которой старик держал в одной руке. Судя по всему, еще при жизни это была мощная скотина, способная поднять на рога любого недруга. Сейчас эти самые рога были угрожающе выставлены вперед, но голова для таких хрупких позвонков была слишком тяжелой, поэтому безжизненно висела у передних ног. Носовая кость раскололась, и, если не знать, что это корова, можно было принять ее за зверя из преисподней.

Между остальными покойниками юноши ходили без всякой опаски, убедившись, что те не проявляют к ним никакого интереса. Но теперь все трое замерли, прислушиваясь и присматриваясь. В старике из Бискупстунги, в его прямоте и неподвижности было что-то воистину жуткое, отличавшее его от прочих насельников кладбища. Он следил за юношами. Мертвые черные глаза внимательно изучали чужаков, посмеявших пробудить его. В костях чувствовалось напряжение, похожее на то, как борцы разминают мышцы перед поединком.

Магнус дотронулся до рукава Эйрика и указал на что-то. Эйрик уже и сам заметил, что старик одной рукой прижимает к груди книгу. Цепкие пальцы обхватывали превосходно сохранившуюся обложку из выдубленной кожи. Лохмотья трепетали на ветру, приоткрывая лесенку ребер и позвоночник. Не сговариваясь, Магнус и Боуги встали по двум сторонам от трупа. Магнус хотел подойти ближе к корове, но Боуги только цыкнул языком и указал ему на другую сторону. Как же! Такого, как Магнус, эта зверюга, если что, просто снесет и втопчет в грязь.

Эйрику же предстояло самое сложное. При одной мысли во рту появлялся кислый привкус, как от испорченного скира. Он сделал несколько медленных шагов к старику, чутко отслеживая малейшее движение. Мертвый не шелохнулся, но воздух рядом с ним был будто бы суше и горячее, словно рядом с вулканом. От тела ничем не пахло, кроме сырости. Эйрик осторожно дотронулся кончиками пальцев до головы мертвеца. Она была холодной и гладкой, во рту между зубами застряли клочья земли, но внутри никто не копошился. Теперь лицо юноши было так близко к черепу, что ему чудилось сухое дыхание, проникающее сквозь плотно сжатые зубы. Скорее всего, ветер, подумал Эйрик.

Он резко втянул носом воздух, как будто готовился нырять в ледяную воду, схватил обеими руками края книги, рывком подался вперед — и лизнул череп от острого подбородка до самого лба, собирая на язык костную пыль, грязь и еще что-то, о чем знать не хотел. Язык поранился об осколок носа, а на зубах закрипело, но дело было сделано. Эйрик с усилием проглотил всю гадость, оставшуюся во рту, закашлялся и хотел сплюнуть, но вовремя остановился.

Покойник шевельнулся. Он двинул подбородком и слегка наклонил голову вбок, как птица с ветки, присматривающаяся к пробегающей по земле мыши. Эйрик чувствовал, что нужно что-то сказать покойнику, но слова не шли. Они стояли, держась за кожаный переплет книги, как моряки цепляются за мачту, чтобы не улететь за борт.

Эйрик попытался потянуть, но костяшки сжали книгу в ответ — такой силы не ожидаешь от мертвых пальцев, которые вот-вот грозили рассыпаться в труху.

— Попробуй резко! — посоветовал Магнус со своего места, и Эйрик послушал. Не могли же они вот так стоять часами: живые глаза — в мертвые. Он расставил пошире ноги для устойчивости и изо всех сил дернул на себя книгу, стараясь не повредить хрупкие страницы.

Сперва показалось, что ему просто не удалось хорошенько уцепиться за скользкий переплет. Только ощутив на лице жесткие пальцы, что вдавливались в нежную кожу щек, он запаниковал. Не отпуская книгу, Эйрик падал назад, а скелет продолжал впиваться твердыми ногтями в плоть и не то толкал, не то притягивал юношу к себе. По виску побежала теплая вязкая дорожка, мертвые пальцы подбирались к глазам. Эйрик схватился одной рукой за костяное запястье и с силой оттолкнул его, выворачиваясь из хватки. Потеряв равновесие, парень хлопнулся спиной о твердую землю так сильно, что дух выбило и в глазах потемнело.

Кладбище внезапно пришло в движение, земля зашевелилась. Хламида старика взметнулась на ветру, обнажив целиком скелет, а книга в его руках распахнулась. Несшитые страницы разлетелись, как косяк скумбрии, вспугнутый тюленями. Эйрик глянул на свою руку, в которой все еще сжимал старый пергамент, — один лист ему все-таки удалось ухватить! Он ловко вскочил на ноги и только сейчас заметил, что друзей рядом нет.

Зато покойники, до этого момента равнодушные, теперь столпились вокруг, как старейшины на тинге. По крайней мере, они не нападали, чего нельзя было сказать о дохлой корове. Магнус ползал по кладбищу на животе, быстро подбирая страницы, до которых мог дотянуться, а Эйрик тем временем уворачивался от мертвой скотины. Корова скакала среди надгробных плит, выдирая рогами клочья травы и расшвыривая вокруг мелкие камни. Ее копыта с глухим звуком ударялись о землю. Животное слепо трясло головой, как будто пыталось учуять, а не увидеть жертву.

Отвлечшись, Эйрик и не заметил, как старик подкрался сзади. Колдун из Бискупстунги оказался не таким уж сильным, но очень цепким и точно знал, что ему нужно: книга. Его кости были повсюду: они царапали, цеплялись, кололи и били... Драуг метил в глаза, но Эйрик каждый раз оказывался быстрее. Это было бы не так уж сложно, если бы